

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИММУНИТЕТ

© 2011 г. Георгий Михайлович Вельяминов¹

Краткая аннотация: в работе раскрываются понятие международно-правового государственного иммунитета, как абсолютного, так и функционального, обусловленность укоренения функционального иммунитета стремительным ростом участия “торгующих” государств в международных коммерческих отношениях, показываются виды государственных иммунитетов: дипломатический; юрисдикционный; иммунитет от принудительных мер в связи с разбирательством в суде; иммунитет государственной собственности и т.д.

Annotation: the work depicts the concept of state immunity in International Law. Absolute and functional state immunities. A swift rise of “trading” states participation in the international commerce and the correlated establishment of the concept of functional immunity of states, shows types of state immunities: diplomatic immunity; jurisdictional immunities; immunity from measures of constraint in connection with proceedings before a court; immunity of state property etc.

Ключевые слова: государственный иммунитет; абсолютный и функциональный иммунитеты; “торгующее” государство; Конвенция ООН 2004 г. о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности; дипломатический иммунитет; юрисдикционный иммунитет; иммунитеты от принудительных судебных мер.

Key words: state immunity; absolute and functional immunities; “trading” state; UN Convention 2004 on Jurisdictional Immunities of States and Their Property; diplomatic immunities; jurisdictional immunity; state immunity from measures of constraint in connection with proceedings before a court.

Под международно-правовым государственным иммунитетом понимается право государства, его органов и его представителей (особенно дипломатических) не подчиняться властным акциям других государств, их органов и представителей. Этому праву соответствует обязанность государства, его органов и представителей не осуществлять каких-либо властных акций в отношении других государств, их органов и представителей, а также собственности этих государств. Иммунитет в правовом смысле можно иначе назвать неподвластностью (*par in parem non habet imperium* – равный над равным невластен).

Что касается международных хозяйственных отношений государства, то, как пишет М.М. Богуславский, “к обязательствам государства в принципе может применяться только его право, кроме случаев, когда государство прямо выразило согласие на применение иностранного права”² (*par in parem non habet jurisdictionem* – равный равному неподсуден).

Международно-правовой государственный иммунитет есть одно из выражений национального

суверенитета, а также, в частности, и международно-правовых принципов равенства государств, невмешательства во внутренние дела других государств и уважения прав, присущих суверенитету. “Принцип суверенного равенства государств лежит в основе иммунитета государства”³. Соответственно, международно-правовой государственный иммунитет – институт международного публичного права. Государство в своем внутреннем правопорядке не пользуется таким иммунитетом в гражданско-правовых отношениях, будучи равным партнером с другими субъектами таких отношений. Это положение закреплено, в частности что касается России, в ст. 124 Гражданского кодекса РФ.

В то же время во внутреннем праве есть внутригосударственные иммунитеты и публичного характера, например для депутатов парламента, для высших должностных лиц. Но иммунитеты эти распространяются обычно только на действия соответствующих лиц в рамках их служебных функций, т.е. иммунитет этот функционален.

Международно-правовой иммунитет находит свое закрепление и во внутринациональном законодательстве государств, и содержание его может трактоваться по-разному. Иммунитет в принципе

¹ Главный научный сотрудник сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, арбитр МКАС при Торгово-промышленной палате РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: nn1962@yandex.ru).

² Богуславский М.М. Международное частное право. М., 1998. С. 160, 161.

³ Богуславский М.М. Иммунитет государства. М., 1962. С. 10; см. также: Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. П/т 1. М., 1948. С. 245–247.

не имеет императивного характера, пишет Я. Броунли⁴. Это не является чем-то особенным именно для института государственного иммунитета, но скорее обычным явлением – для норм и принципов международного права. Так, для сравнения: международно-правовой принцип соблюдения прав и основных свобод человека конкретизируется в законодательстве отдельных государств со значительными отличиями. Такие отличия обнаруживаются и в толковании института государственного иммунитета. Совершенного единства применения государственных иммунитетов в мировой судебной практике не существует, ибо нет и четких общепризнанных международно-правовых критериев признания иммунитетов.

Первоначально в качестве международной обычно-правовой нормы государственный иммунитет понимался как *абсолютный*, т.е. означал, что государство, его органы и представители ни в каком случае не могут быть подвергнуты властным акциям со стороны других государств, кроме как с согласия государства⁵. Такое согласие может выражаться государством в международном договоре, в частноправовом контракте, в эксплицитном письменном заявлении в ходе судебного или иного разбирательства. Вообще и с позиций абсолютного государственного иммунитета не значит, что к государству не могут быть предъявлены, в частности, имущественные и иные требования, но они не могут быть без согласия государства предъявлены к нему в судах *других* государств, но могут предъявляться в судах данного государства.

Однако особенно с середины XX в. происходит исключительно масштабный рост участия государств, как таковых, в международных экономических отношениях, причем и с контрагентами, представляющими собой субъектов частного права других государств (так называемые “диагональные отношения”). Во многих случаях при этом возникает возможность применения института государственного иммунитета, и это означает особую значимость его использования именно в рамках международных экономических отношений. Важнейшей составной статуса субъекта международного права является поэтому институт иммунитета государств, а также – в ограниченной мере – и межгосударственных организаций.

Сами государства между тем заинтересованы в сделках, в том числе и с такими субъектами, которые соглашаются на эти сделки обычно только

на условиях обеспечения имущественной ответственности государств на случай неисполнения ими своих обязательств по сделкам. Это привело к постепенному отходу от концепции абсолютного государственного иммунитета и к возникновению и закреплению понимания иммунитета как ограниченного, *функционального*. Государство, таким образом, имеет право на иммунитет от властных действий других государств только тогда, когда действует, выполняя свои суверенные, властные функции – *jure imperii*.

Пожалуй, доминантное значение для перехода к концепции функционального иммунитета имело то обстоятельство, что абсолютный иммунитет ставил государство юрисдикционно в неуязвимое положение в так называемых “диагональных отношениях”, складывавшихся в рамках так называемых контрактов государственного развития (“*state development contracts*”), в том числе в прямых инвестиционных контрактах, получивших уже в 60–70-е годы XX в. широкое распространение в отношениях между обретшими независимость новыми государствами развивающихся стран, с одной стороны, и частными инвесторами из развитых государств – с другой. Иммунитеты развивающихся государств по отношению к искам частных иностранных корпораций являли собой своего рода риск для этих последних.

По “диагональным” контрактам иски к государствам могли, разумеется, рассматриваться в судах самого развивающегося государства. Но у иностранных инвесторов, предпринимателей не было ни доверия к беспристрастности и эффективности судов в этих государствах, ни к самому их материальному праву, а в качестве инвесторов выступали обычно крупные предприятия, транснациональные корпорации. Это и определяло, в частности, заинтересованность западных стран ослабить применение принципа абсолютного юрисдикционного иммунитета государств в так называемых “диагональных отношениях”. В этом направлении наглядный успех в виде перехода к концепции функционального иммунитета государства практически и был достигнут. Когда государство выступает в качестве так называемого “*торгующего государства*”, вступает в частноправовые, коммерческие отношения, сделки, т.е. действия *jure gestionis*, оно согласно концепции функционального иммунитета утрачивает права на иммунитет в отношении своих имущественных и иных прав, причем согласно этой концепции и без специального согласия на это данного государства, и независимо от того, придерживается ли это государство само концеп-

⁴ См.: Броунли Я. Международное право. Ч. 1. М., 1977. С. 476.

⁵ См.: Ушаков Н.А. Юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности. М., 1993. С. 31.

ции абсолютного иммунитета или нет. При этом каждое государство само вправе определять и устанавливать в рамках своей юрисдикции пределы и условия предоставления иммунитетов для других государств.

В США еще в 1976 г. был принят Закон об иммунитете иностранных государств, установивший, что государство не может использовать иммунитет: когда иск основывается на коммерческой деятельности, которую иностранное государство осуществляет в США; когда иск основывается на коммерческой деятельности, которая осуществляется за пределами США, но порождает “прямые последствия” в США.

В континентальной Европе эта установка, “заимствованная из США”⁶, получила последовательное развитие, в том числе почти сразу же в Законе Великобритании о государственном иммунитете 1978 г. В результате концепция функционального государственного иммунитета на сегодня закреплена законодательно или же применяется в судебной-арбитражной практике в Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Италии, Канаде, Норвегии, Пакистане, Сингапуре, США, Финляндии, Франции, Швейцарии и в других странах.

Что касается *России*, то она традиционно, как ранее и Советский Союз, придерживалась до самого последнего времени абсолютного государственного иммунитета, что нашло свое проявление во многих судебных делах в других государствах по искам к СССР или к России. Однако в силу экономической заинтересованности, особенно с конца XX в., России, выступающей как государство во многих внешнеэкономических сделках, кредитных, инвестиционных и т.п., приходилось соглашаться на включение в контракты оговорки об отказе от использования своих иммунитетов. Само по себе это еще не означало отхода от концепции абсолютного иммунитета. Принципиальный сдвиг произошел с принятием в 1999 г. Кодекса торгового мореплавания РФ, согласно которому (ст. 3), в отличие от ранее действовавшего КТМ СССР, иммунитеты не распространяются на государственные морские суда, используемые для коммерческих целей. Еще далее пошел *Арбитражный процессуальный кодекс РФ 2002 г.*, в ст. 251 которого прямо предусматривается предоставление судебного иммунитета только в отношении государства “выступающего в качестве носителя власти”. С другой стороны, ст. 401 ГПК

РФ обуславливает иммунитет иностранного государства от исков в судах РФ, если иное не предусмотрено федеральным законом (пока такового нет) или международным договором с участием РФ (Россия подписала Конвенцию ООН 2004 г. о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, но она еще не вступила в силу). Принцип абсолютного иммунитета, которого придерживалась ранее Россия, таким образом был поколеблен, хотя для полной ясности в этом вопросе требуется, очевидно, по примеру других государств принятие особого закона России о государственном иммунитете.

Были предприняты усилия по закреплению концепции функционального иммунитета и в многосторонних международно-правовых актах. Впервые это имело место на многостороннем международном уровне в Вашингтонской конвенции 1965 г. о разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами⁷. Базельская Европейская конвенция 1972 г. об иммунитете государств (в рамках Совета Европы) исходит из этой же концепции. Аналогичный подход к понятию государственного иммунитета заложен и в **Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 г.**

Конвенция эта основывается на принципиальном постулате: государство пользуется иммунитетом в отношении себя и своей собственности от юрисдикции судов другого государства, но с учетом при этом положений данной Конвенции (т.е. с обусловленными в ней исключениями из иммунитета).

Даже и до вступления Конвенции в силу (требуется ратификация ее 30 государствами) положения ее могут рассматриваться в качестве своего рода авторитетной кодификации (текст Конвенции выработывался в течение 25 лет в рамках Комиссии международного права ООН и Шестого комитета Генассамблеи ООН) – кодификации правил, ставших практически обычно применяемыми в большом числе государств.

Следует отметить, что, хотя Конвенция и исходит из концепции функционального иммунитета, т.е. иммунитета, не распространяющегося в основном на коммерческую деятельность государства, вместе с тем, в ней весомо зафиксированы и

⁶ См.: Хайльброннер К., Витцтум В. и др. Международное право. М.; Берлин, 2011. С. 245.

⁷ О вопросах, касающихся иммунитетов в Вашингтонской конвенции, см., в частности: *Harp R., Rubins N. Digest of ICSID Awards and Decisions. 2003–2007. Oxford, 2009. P. 336–338; Войтович С.А. Международный центр по урегулированию инвестиционных споров. Киев, 2005. С. 34, 66.*

условия, направленные на обеспечение иммунитета государства в рамках его властных функций. В этом ракурсе Конвенция обеспечивает более эффективную защиту имущественных интересов и России в свете имевших место посягательств в акциях иностранных судов на ее государственную собственность.

Применение концепции функционального иммунитета логически выдвигает на первый план надежное разграничение в конкретных случаях, когда государство действует в рамках своих суверенных публичных функций (*jure imperii*), а когда выступает в качестве частного, коммерческого партнера (*jure gestionis*). Именно это разграничение и стало, в частности, важным предметом и достижением Конвенции ООН 2004 г.

Виды государственных иммунитетов

Дипломатический иммунитет. Это специфическая составная часть международно-правового государственного иммунитета. Дипломатический иммунитет изначально основывается на обычном праве, но в настоящее время детально регулируется особой Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г., в которой участвует подавляющее большинство государств мира. Это, впрочем, не означает (как и в отношении государственного иммунитета в целом) невозможности принятия государствами собственных законодательных актов о статусе иностранных дипломатических представительств (очевидно, с учетом норм Венской конвенции государствами – ее участниками).

Специфика дипломатического иммунитета в том, что он распространяется *ограничительно* лишь на лиц и имущество, связанные с осуществлением дипломатических сношений между государствами и в интересах беспрепятственного осуществления этих сношений. Важнейшей составляющей дипломатического иммунитета являются личные иммунитеты дипломатических агентов, членов их семей, лиц административно-технического, обслуживающего персонала и домашних работников сотрудников представительств.

Согласно, в частности, Конвенции 1961 г. ряд видов дипломатического иммунитета имеет *имущественный*, т.е. экономический, характер. Это среди прочего: освобождение от всех налогов, сборов и пошлин в отношении помещений представительств (кроме представляющих собой плату за конкретные виды обслуживания), в отношении вознаграждения и сборов, взимаемых представительством при выполнении своих официальных обязанностей; свободный и бес-

пошлинный ввоз предметов для официального пользования представительства и для личного пользования дипломатического агента и членов его семьи. Имущественный иммунитет распространяется и на помещения представительств и частные резиденции дипломатических агентов и соответствующие предметы.

В то же время в Конвенции 1961 г. заложен принцип *функциональности*, ограничивающей иммунитетов. Дипломатические агенты пользуются иммунитетами от уголовной, гражданской и административной ответственности (ст. 31) и налоговым иммунитетом (ст. 34), но за исключением случаев, когда, говоря обобщенно, дипломатический агент выступает в качестве частного лица в связи со своей коммерческой деятельностью и т.п.

В Конвенции 1961 г. сформулирован и важный принцип, согласно которому возможный отказ от юрисдикционного иммунитета не означает отказа от иммунитета в отношении исполнения судебного решения, для чего требуется особый отказ (ст. 32.4).

Сформулированные в фактически универсального значения Конвенции 1961 г. нормы и принципы, хотя формально действуют в отношении четко ограниченного круга определенных лиц (и имущества), связанных с дипломатическими сношениями, – имеют авторитетнейшее значение и для толкования и понимания института международно-правового государственного иммунитета в его целостности.

* * *

Наиболее задействованными в практике внешнеэкономических отношений государств обычно признаются рассматриваемые ниже виды международно-правового государственного иммунитета.

Судебный (юрисдикционный) иммунитет, основывающийся на обычно-правовой норме “*par in parem non habet jurisdictionem*”. В отличие от дипломатического юрисдикционного иммунитета, применяемого к дипломатическим представителям государств, юрисдикционный государственный иммунитет действует как универсально применимый в международных отношениях государств. Этот иммунитет, исходя из концепции абсолютного иммунитета, означает, что без согласия государства оно не может быть привлечено к суду другого государства. “Суд не имеет юрисдикции в отношении рассмотрения иска или совершения иных процессуальных действий против какого-либо государства, его главы, его правительства

или какого-либо подразделения его правительства”⁸. Однако и в случае применения юрисдикционного иммунитета (в процессуальном плане) это не означает освобождения государства от выполнения им своих обязательств по сделке или от ответственности за ее неисполнение, или от ответственности за возмещение причиненного вреда. Применение иммунитета означает лишь, что спор может рассматриваться по иску, но только в суде данного государства. С позиций же функционального иммунитета “торгующее государство” может быть и без его прямого согласия привлечено к суду иного государства, если спор подпадает под юрисдикцию этого последнего в силу соответствующих применимых норм, определяющих подсудность спора.

В правовом смысле, если применяется юрисдикционный иммунитет, можно говорить об использовании соответствующего международно-правового института. При отказе же в применении иммунитета дело переходит в плоскость того или иного национального правопорядка. При этом в принципе согласно нормам международного частного права отдельных государств не обязательно применимым является право страны, в суде которой рассматривается спор.

Сложность в том, что при отсутствии международно-правовых норм, определяющих критерии коммерческого или некоммерческого характера сделки государства или характера его собственности, соответствующий национальный суд, решающий вопрос об юрисдикционном иммунитете, должен использовать национально-правовые критерии и подходы как нормативные, так и судебной практики. При этом используемые критерии определения характера (природы) и целей действия иностранного государства вряд ли вполне укладываются лишь в рамки процессуальных норм права (например, природа сделки, правовой статус собственности и т.п.). Подспорьем при этом теперь стали нормы Конвенции ООН 2004 г., относящиеся к юрисдикционному иммунитету. Конвенция предусматривает следующие исключения из юрисдикционного иммунитета государств⁹: а) явное согласие государства на отказ от иммунитета (в международном соглашении; в письменном контракте; путем заявления в суде или письменного согласия в рамках конкретного разбирательства (ст. 7); б) участие государства в

коммерческой сделке с иностранным физическим или юридическим лицом (но не с другим государством, ст. 10).

Что весьма важно, в Конвенции содержится дефиниция понятия “коммерческой сделки” (по сути это – любые контракты коммерческого, финансового, промышленного, торгового, профессионального характера, в том числе в сфере услуг, инвестиций, ст. 2). При этом при определении природы контракта должна учитываться не только она, но и его цель, т.е., следует понимать, и возможное исполнение публичных функций государства (социальных, гуманитарных и т.п.), а следовательно, и подпадающих под иммунитет; в) заключение арбитражного соглашения с иностранным физическим или юридическим лицом (ст. 17);

г) разбирательство судебного дела по факту трудового договора с физическим лицом (ст. 11) в отношении вреда, причиненного личности или имуществу (ст. 12); установление прав государства по линии недвижимого имущества, наследования и дарения, управление имуществом по обстоятельствам доверительной собственности, собственности банкроты и т.п. (ст. 13); установление нарушения прав на интеллектуальную или промышленную собственность (ст. 14); рассмотрение об участии в компаниях и других объединениях с правом юридического лица (ст. 15); разбирательство по делам эксплуатации судов в собственности государства (не применимо к военным и вспомогательным кораблям, к иным некоммерческим судам (ст. 16).

Иммунитет от предварительного обеспечения иска. Хотя предварительное обеспечение иска есть по существу тоже судебное, юрисдикционное действие, соответствующий иммунитет в отношении такой судебной акции рассматривается как самостоятельный вид государственного иммунитета, поскольку принудительные меры в известном смысле даже в большей степени вторгаются в суверенные права государства, нежели само по себе рассмотрение судом иска против иностранного государства. Иммунитет от предварительного обеспечения иска означает неприемлемость каких-либо властных, принудительных мер в отношении государственной собственности без согласия данного государства, если исходить из концепции абсолютного иммунитета.

Но с позиций функционального иммунитета предварительное обеспечение иска может быть применено в отношении имущества, связанного с коммерческой деятельностью государства. При этом суд устанавливает характер, целевое назна-

⁸ См.: Dicey and Moris Conflict of Laws, 8ed. 1967. P. 123.

⁹ См.: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml. Излагаемые здесь и далее условия Конвенции описательны, и для сугубо практических целей, естественно, следует обращаться к официальным текстам.

чение действий государства, а также и действительную принадлежность имущества, в отношении которого испрашивается предварительное обеспечение, например по искам И. Щукиной и И. Коновалова к Российской Федерации, к Государственному Эрмитажу, к Государственному музею изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и к Центру Помпиду в Париже. По обстоятельствам проведенного разбирательства французский суд в 1993 г. отказал в требовании истцов о наложении (в порядке предварительного обеспечения иска) ареста на картины А. Матисса из Государственного Эрмитажа и Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, выставлявшиеся в Центре Помпиду в Париже. Суд при этом использовал как критерий характера действий государственных музеев России (такие действия не могли осуществляться любым частным лицом, но только государством или его музеями), так и критерий цели действий (отсутствие коммерческого интереса). Суд исходил при этом также из того, что выставлявшиеся картины являются государственной собственностью России, находящейся во владении соответствующих государственных российских музеев.

Иммуни́тет от принудительного исполнения судебного (арбитражного) решения особо существен. Хотя в принципе по своему характеру (принудительность, властность действия) исполнение вступившего в законную силу решения по существу дела и сходно (в отношении посягательства на государственное имущество) с судебным решением о предварительном обеспечении иска, оно идет в этом направлении (*принудительность и бесповоротность*) еще далее. В частности, принудительное исполнение судебного решения, как и предварительное обеспечение иска (в силу в том числе соответствующих международных договоров о правовой помощи), может осуществляться и за пределами национальной юрисдикции суда, рассматривающего дело.

Но принудительное исполнение решения в отношении имущества иностранного государства безусловно запрещается, если имущество используется в суверенных целях¹⁰.

На практике нередко имели место посягательства на имущество российских посольств и иных российских представительств с имущественными претензиями к Российскому государству, как таковому. Примером использования иммунитета при попытках принудительного исполнения судебного (арбитражного) решения может служить гром-

кое дело по иску швейцарской фирмы “Noga” к Российскому государству. В 1991 г. правительство РСФСР заключило с названной фирмой контракт, связанный с закупкой продовольствия и сельхозудобрений. В связи с невыгодностью для российской стороны этот контракт был ею расторгнут. Однако Стокгольмский арбитражный институт по иску фирмы “Noga” не признал российского юрисдикционного иммунитета и, поскольку российская сторона в контракте с “Noga” добровольно отказалась от иммунитета, вынес решение, признающее Россию виновной в нарушении контракта, обязав ее возместить фирме “Noga” понесенные убытки. Ввиду неисполнения Россией арбитражного решения последовала серия арестов во Франции банковских счетов российского посольства и торгпредства, представительства России при ЮНЕСКО, ареста российского учебного парусника “Георгий Седов”. Аресты счетов были отменены в силу признания иммунитета государственной собственности, используемой в суверенных прерогативах. Что же касается парусника, арест был снят ввиду того, что была доказана его принадлежность не Российскому государству, как таковому, а некоему российскому юридическому лицу.

В Конвенции ООН 2004 г. иммунитет от предварительного обеспечения иска и иммунитет от принудительного исполнения судебного (арбитражного) решения рассматривается обобщенно под одной рубрикой: **“Государственный иммунитет от принудительных мер в связи с разбирательством в суде”** (ч. IV Конвенции). Хотя природа соответствующих судебных принудительных мер, очевидно, аналогична, все же между обеспечительными мерами и исполнительными есть существенная разница, в том числе и формально-юридическая. Государство, к примеру, может отказаться от своего иммунитета в части обеспечительных мер, но это не будет означать *ipso jure* и отказа от иммунитета в отношении принудительного исполнения судебного решения (так же и наоборот).

Вместе с тем вопросам иммунитетов от принудительных судебных мер в Конвенции ООН 2004 г. уделено должное внимание. Общим закрепленным принципом являются принудительные меры, такие как: обращение взыскания или арест в отношении собственности государства не могут быть приняты до вынесения судебного решения или после его вынесения, кроме случаев прямого согласия государств в формате международного соглашения, арбитражного соглашения, письменного контракта, заявления перед судом,

¹⁰ См.: Хайльброннер К. Указ. соч. С. 247.

письменного сообщения после возникновения спора; перевода государством объекта собственности в счет удовлетворения иска, являющегося объектом разбирательства; применения принудительных мер после вынесения судебного решения, когда было установлено, что собственность используется государством для иных, нежели некоммерческие, целей, находится на территории государства суда, имеет связь с образованием (в смысле государственного учреждения с независимой правосубъектностью), против которого было направлено судебное разбирательство (ст. 19).

Соответственно, в Конвенции в русле защиты государств от возможных неприемлемых процессуальных мер оговорены и специальные процессуальные условия вручения документов о судебном разбирательстве и возможности вынесения заочного решения против государства, а также о привилегиях и иммунитетах государства в ходе судебного разбирательства. В частности, государство не может подвергаться штрафам или наказаниям по причине упущений и отказов совершения определенных процессуальных действий; от государства не могут требовать обеспечения им задатков оплаты судебных издержек или затрат (ст. 22–24).

* * *

Следует констатировать, что судебный (юрисдикционный) иммунитет, иммунитет от обеспечений иска и иммунитет от принудительного исполнения судебного (арбитражного) решения рассматриваются традиционно в качестве *самостоятельных* видов государственного иммунитета. Соответственно, в тех случаях, когда для отказа от иммунитета требуется согласие государства, такое согласие должно быть явственно дано отдельно в отношении каждого из указанных видов иммунитета. На это обращается внимание и в Конвенции ООН 2004 г. (ст. 20).

Иммунитет государственной собственности имеет самостоятельное значение. Он распространяется как на государственную собственность, используемую в дипломатических сношениях (например, помещение дипломатических представительств и иное их имущество), так и вообще на *любую* иную государственную собственность. Этот иммунитет может быть не обязательно связан с судебными, исковыми требованиями к иностранному государству и к его собственности, когда задействованными становятся соответствующие описанные выше иммунитеты, связанные с возбуждением исков в судах

и арбитражах. Достаточно сказать об иммунитетах государственных военных кораблей и невоенных некоммерческих государственных морских и иных судов, а также и об ином государственном имуществе, правомерно оказывающемся за пределами территориальной юрисдикции данного государства, причем иммунитет распространяется и на любые внесудебные действия.

В Конвенции ООН 2004 г. особо оговаривается, что государственная собственность, в том числе банковский счет, используемый для исполнения дипломатических, консульских и т.п. представительских целей; собственность, предназначенная для военных функций; собственность центрального банка или подобного органа; собственность (не выставленная на продажу), составляющая культурное наследие государства, его архивы, экспозиции объектов научного, культурного и исторического интереса, не рассматривается в качестве используемой для иных, чем некоммерческие, целей (ст. 21).

Принудительные меры, таким образом, не могут быть в принципе обращены против собственности, используемой государством в некоммерческих целях. Принудительные меры могут быть обращены против государственной собственности либо с согласия самого государства, либо если собственность используется в коммерческих целях.

Налоговые иммунитеты. Освобождение от налогов дипломатических представительств и подобных государственных органов за рубежом общепризнано международным правом как в силу обычая, так и конвенционно, в частности в *Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.*, в *Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г.*, в *Конвенции о специальных миссиях 1969 г.* и др.

Специальную категорию представляют собой соглашения об освобождении от налогообложения международных организаций (как межправительственных, так и неправительственных), особенно в странах местопребывания их штаб-квартир. Соответствующие условия могут включаться и в соглашения (конвенции) общего характера об иммунитетах и привилегиях международных организаций, например в *Конвенцию о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г.*, *Конвенцию о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 г.* и т.д.

Для налогообложения “торгующего государства” логично применима концепция функционального иммунитета, хотя общих норм между-

народного права на этот счет не наблюдается. В случаях конфликтных проблем двойного налогообложения наиболее рациональным средством регулирования показывают себя широко применяемые международные двусторонние соглашения об избежании двойного налогообложения.

Международные межправительственные организации могут, как и государства, пользоваться иммунитетами (но, по определению, всегда функциональными). Это вытекает из самой функциональной правосубъектности международных организаций, в корне отличающейся от государственной универсальной правосубъектности. При этом иммунитеты обуславливаются строго потребностями организации в беспрепятственном осуществлении ею ее публичных, уставных полномочий и компетенции. Объем, характер и пределы таких иммунитетов определяются международными договорами и действуют только для

государств-учредителей, затем и для других субъектов международного права, признавших соответствующую организацию. Основанием могут быть учредительные договоры, уставы международных организаций, в которых иммунитеты международной организации обычно определяются лишь в общем виде. Более конкретно иммунитеты регламентируются в специальных договорах, конвенциях, заключаемых государствами – членами организаций, например, в Конвенции о привилегиях и иммунитетах организации Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г.

Иммунитеты межгосударственных организаций опосредованно также, по существу, “государственные”, ибо являются производными от иммунитетов государств – членов организации, и именно эти члены наделяют организацию (образно говоря, делегируют ей) своими иммунными правами.